

А. В. БЕРЕЗКИН,

доцент кафедры теории и истории государства и права СПбГУП,
кандидат юридических наук

РАННИЙ ЭТАП ФОРМИРОВАНИЯ КРИМИНАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ В АНГЛИИ

В научном наследии Д. С. Лихачева есть три работы, написанные им в 1930–1938 годах. Эти работы посвящены формированию и бытованию аргогического языка криминальной среды: «Картежные игры уголовников (из работ криминологического кабинета)» (1930), «Черты первобытного примитивизма воровской речи» (1933), «Аргогические слова профессиональной речи» (1938).

В этих работах будущий академик затронул вопрос формирования преступных сообществ не только в России (начиная с первого упоминания о кастово-замкнутых группировках маргиналов в книге Матвея Комарова «Обстоятельное и верное описание добрых и злых дел российского мошенника, вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина, всей его жизни и странных походов», изданной в Санкт-Петербурге в 1779 году), но и в английском обществе раннего Нового времени (ссылаясь на хроники Холиншеда, сочинение Бен Джонсона «Masque of the Gypsies Metamorphosed», комедию Бомонта и Флетчера «Comedy of the Beggar's Bush», пьесы Шекспира и особенно словарь Хоттена «A Dictionary of Modern Slang, Cant and Vulgar Words», изданный в Лондоне в 1859 году).

Упомянутые Д. С. Лихачевым авторы, в свою очередь, опирались на сложившуюся во второй половине XVI века памфлетную традицию, описание социальных низов, маргинальных, в том числе и преступных, группировок. Эти авторы — Дж. Оделэ, Т. Гарман, Р. Грин и Т. Деккер — не только впервые собрали материал, связанный с бытом и нравами криминальных групп, но и заложили основы рассмотрения роста преступности в связи с проблемой пауперизации общества. В работах 1930-х гг. Д. С. Лихачев причину формирования криминального сообщества ранне-

го Нового времени усматривал в образовании широкого слоя деклассированных элементов в процессе так называемого первоначального накопления. Эта концепция, ставшая хрестоматийной к моменту переиздания этих работ в 1993 г. (Лихачев Д. С. Статьи ранних лет. Тверь, 1993), в 30-е гг. еще находилась в процессе становления в трудах отечественных исследователей.

Средневековые выработало свое отношение к бедности и пауперам. В известном смысле бедность являлась идеалом и служила достижению спасения души, бедняк рассматривался как «бедняк Христовый». Широкая система католической благотворительности (богадельни, приюты и т. п.), желательность раздачи милостыни и дозволение попрошайничества создавали определенные условия для существования маргинальных групп в средние века.

Существенным образом картина изменилась в XVI веке. Реформация привела к закрытию монастырей и часовен, а вместе с ними и традиционных институтов поддержания бедности. Новый взгляд на эту проблему выработывался уже под воздействием протестантской идеологии. Следствием социально-экономических процессов первоначального накопления явилось возрастание удельного веса деклассированного населения. Наступил кризис традиционных институтов, интеграции пришлого населения городом. Это особенно ярко показывает пример Англии раннего Нового времени, в котором интенсивно протекал процесс огораживания и сгона крестьян с земли. Приюты закрыты. Средневековое ремесло пришло в упадок и не могло поглотить избыточную рабочую силу. Тюдоровское правительство ужесточило законы о найме жилья в городах. Возросшая в таких условиях криминализация деклассированных слоев об-

щества потребовала от публицистов той эпохи по-новому осмыслить эти процессы.

Начало нового подхода к описанию преступного сообщества было положено трактатом Джона Оделэ «Братство бродяг» (1561). Это сочинение предшествовало и в какой-то мере послужило образцом для вышедшего первым изданием в 1566 году «Предостережения против мошенников» Томаса Гармана, мирового судьи из Кента. Основываясь на своем личном опыте и специально собирая материал, Т. Гарман произвел классификацию преступников по роду их преступного ремесла и положению в преступном сообществе, составил списки предводителей воровских шаек. Именно Гарману принадлежит заслуга составления первого словаря воровского жаргона, к которому были приложены и образцы диалогов.

Книга Т. Гармана послужила литературным источником, характеризующим преступный мир Англии, для знаменитого «Описания Англии» Уильяма Гаррисона, предпосланного в качестве предисловия к «Хроникам» Холиншеда, из которых, в свою очередь, черпал сюжеты для исторических хроник У. Шекспир. Включение материала (сделанное со ссылкой), собранного провинциальным мировым судьей, в сочинение, получившее общенациональное признание, свидетельствует о качественно новом уровне рассмотрения проблем преступности в политико-правовой мысли того

времени. На смену во многом абстрактному морализаторству, окрашенному в религиозные тона и сводившему все многообразие явлений к системе смертных грехов, пришло более конкретное и терминологически точное описание действительности.

Оделэ и Гарман положили начало и другой традиции, которую исследователи считают началом английской криминальной повести. Но на рубеже XVI–XVII вв. в ней присутствовали в неразрывной связи как развлекательные, так и назидательные и определенные социально-публицистические тенденции.

Снискавшие большую славу своими драматическими произведениями Р. Грин (1558–1592) и Т. Деккер (1572?–1641?) оставили также значительное памфлетное наследие. В XIX — начале XX века биографы обоих драматургов, увлеченные их авантюрной судьбой и связями с социальным дном, видели в трактатах о ворах и мошенниках Р. Грина (1591–1592) и Т. Деккера (1608) отражение, главным образом, их личного опыта. На самом деле имело место и беззастенчивое заимствование из раннего сочинения Гармана. Общим же для Оделэ, Гармана и Гаррисона, с одной стороны, Грина и Деккера — с другой, было использование риторики, обличающей преступников и отразившейся в преамбулах тюдоровского законодательства против бродяг и нищих.